

Спустя столько лет, я привык к тому, что рядом со мной нет кого-то верного и постоянного. Все, на кого я мог положиться, рано или поздно покидают меня. И мне не нравится чувство потери, когда приходится прощаться. Я предпочитаю, чтобы мои друзья больше беспокоились о себе. Им ничего не нужно от меня, мне ничего не нужно от них. И все, что делают те, кто окружает меня - это лишь веление их сердца, их собственное решение.

Я сел у костра, где готовили рис и чай, и Толстяк стал рисовать на земле схему: "После того, как вы ушли, я провел несколько взрывов на небольшом участке склона. После третьего взрыва образовался большой провал. На дне было воды по пояс, можно было пройти, я взял несколько человек и пошел. Под горой протекает небольшая подземная река. Тоннель, образованный ее руслом достаточно высокий, но узкий. В трех местах свод тоннеля поврежден, и река, можно сказать, выходит наружу, сквозь трещины в своде видно небо, но основная часть реки проходит под землей. Под конец речной тоннель стал узким, русло там высохло, а сверху спускались шахты, явно сделанные руками человека. Тогда-то мы и услышали крики и выстрелы сверху. Я полез наверх, наткнулся на каменную плиту, перегораживающую дно колодца и стал взрывать ее, слой за слоем. А потом увидел вас, ребята".

Помню-помню, подрывная деятельность Толстяка тогда напугала нас до полусмерти.

Рассматривая нарисованный Толстяком маршрут, я погрузился в размышления.

Там, где Толстяк спустился в подземную реку, когда-то произошла кровопролитная битва между воинами Восточного Ся и монголами. Значит, эти горы для народа Восточного Ся имели какое-то важное значение. Теперь оказалось, что то место и лес с колодцами связывает подземная река. Толстяк сказал, что здесь под землей везде есть такие речные подземные тоннели, напоминающие сложную сеть кровеносных сосудов.

Небесный дворец находится далеко отсюда. И на Чанбайшане достаточно источников воды. Нет необходимости проводить отсюда дренаж для дождевой воды. Скорее всего, эти подземные реки питают какой-то важный для народа Восточного Ся подземный объект. Здесь в лесу обитает много птице-людей, возможно, это как-то связано с ними.

Я приказал проверить и починить снаряжение, подсчитать оставшиеся боеприпасы, а сам пошел к нашему врачу. Осмотрев меня, он сказал, что переломов нет, но шину на руку наложил, чтобы я снова не повредил руку. Возвращаясь, я подумал, что прошло достаточно времени и Ван Мэн уже далеко отсюда. Подойдя к Толстяку, я спросил: "Нам надо двигаться дальше. Как обстоят дела с воздухом внизу?"

"С водой и воздухом под землей проблем нет. Но речной тоннель дальше по течению слишком узкий, пройти невозможно, придется плыть".

Я кивнул. В лагере было только три комплекта дайверского снаряжения. Но опыт погружений есть только у меня и Толстяка. Правда, с нами пошел еще один парень, который считается отличным пловцом. Он родился и вырос на берегу Хуанхэ, в семье лаоши, ловца трупов(1). Ему было чуть больше двадцати лет, высокий, почти под два метра, стройный и очень бледный. В воде он двигался быстро и изящно, напоминая белую змею. Оттого его прозвали Белый Чжень(2).

Толстяк по спутниковому телефону связался с лагерем и попросил перенести сюда все необходимое. Пока он разговаривал, я занялся сборами.

Той ночью мы перенесли новый лагерь на несколько километров подальше от леса и укрепили его. На следующий день к нам присоединились остальные. Часть людей я оставил охранять

лагерь. Цветочек предложил разделиться: он пойдет через горы, вдруг что-то обнаружится на поверхности земли.

Дел хватало еще до того, как прибыло дайверское снаряжение. Мы с Белым Чженем проверили его и отправились в лес, чтобы найти тот колодец, откуда выбрался Толстяк.

Земля была сплошь усыпана обглоданными птичьими костями, под которыми прятались многоножки. Сверив часы, мы спустились в колодец. Вода в реке действительно была по пояс, холодная, даже кожу покалывало. Отколовшиеся при взрывах камни усеивали дно. Я включил фонарь. Вода была чистой и прозрачной, никаких растений и грязи. Тоннель на самом деле узкий, и идти можно было только по воде. Течение медленное. Пройдя вперед метров тридцать, мы оказались в том месте, про которое Толстяк говорил, что придется плыть. Здесь дорога уходила под воду.

(1) Лаоши, ловец трупов - редкая профессия, даже для Китая. Династии лаоши живут обычно в речных регионах, их услуги пользуются популярностью из-за суеверия китайцев, которые доставать трупы из воды боятся, но и оставлять тело незахороненным не хотят (это противоречит традициям и фэн-шуй). В современном Китае лаоши часто нанимают в качестве спасателей, так как многие люди боятся оказывать помощь утопающим из-за страха перед водяными духами.

(2) Белый Чжень, 白, Сучжень. Первый иероглиф понятен, ассоциация с цветом кожи. А вот второй редко используется в качестве существительного. Его основное значение "чистота, целомудрие". Но в дальнейшем, если не ошибаюсь, У Се дал ему собственное прозвище - Белая змея, байше, 白蛇. Но я буду использовать это прозвище в мужском роде, Белый змей, для благозвучности.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/82870/2652612>